

— Э, слазь! — Ветку тряханула чья-то сильная рука.

Внизу стоял сурово-квадратный паренек. Глаз его я не увидела. Кустистый рыжий забор закрывал блестящие зрочки.

— Не, ну ты слезаешь? — спросил он. Угрожающе.

Мне, пацифисту по мировоззрению, драться не хотелось. Прыг. Ноги по колено скрылись в клевере. Руки сжали фотик.

— Чего тебе? — спрашиваю осторожно, ступаю по льду нового знакомства.

— Ты это, фоткать умеешь? — Парень покосился на мои руки.

— Ну да, немного.

— Тогда пошли, — он кивнул в сторону соседней дачи.

— Зачем это?

В деревне я второй день, никого не знаю. Первый знакомый — дятел. Его-то я и караулила на этой ветке. Фотик к груди прижимала, ждала подходящего момента. На тебе.

— Ксюху сфоткаешь.

Я промолчала.

Мы миновали ряд желтых деревянных дач. Сонных и тихих настолько, что птичье пенье оглушало. Свернули в заросли какой-то колючей дряни, попетляли по тропинке и вышли на поляну. Старая покосившаяся

дача сверкнула на меня стеклянной мутью окон. Сухая дверь висела на одной петле. Ива уронила тяжелые ветки на шиферную крышу. Поляна была усыпана одуванчиками. А в одуванчиках прятались ржавые ведра. И резиновые шланги. И даже серый диван. На нем лежала длинная палка. При нашем приближении палка подняла голову и превратилась в высокую девушку. Тонкое тельце изогнулось, сверкнуло острие колен.

— Ксюх, вот привел... фоткаться. — Серебряные зрочки сузились.

— Как зовут?

— Даша.

Осинка в бледно-желтом платье поднялась, встала напротив. Выше меня на две головы. Почти вровень с Квадратным.

— Мне фотография нужна. На конкурс, — она кивнула в сторону фотика, — у тебя вроде хороший.

— Ну да.

— Сделаешь?

Она мне приказ отдала, не попросила. Даже не улыбнулась. Лишь глазами серебряными хлопнула.

— Ладно, — киваю, — пошли.

Завернули за угол. Здесь все заросло бурьяном. Два толстых дуба крепко вцепились в землю корнями. Поскрипывали ржавые качели.

Квадратный отошел к деревьям, Осинка села на крыльцо, я прислонилась к углу сарая. Зря. Из черно-

ты на меня вылетело что-то лохматое, пыльно-грязное, громкое и злое. Я отскочила в сторону, выставила руки вперед.

— Ада-алис! Фу-у! — рыкнул на собачонку Квадратный.

Та была мне по колено. Слюна капала из черной пасти.

— А она не бешеная? — спросила я Осинку.

— Не-а, — протянул парень, оттаскивая лающий ком за поводок. — Ну-у-у, хорош брыкаться, Адя!

Собака не замолкала. Лай ее уже спугнул самых голосистых птиц, назойливо звенел в воздухе. Осинка поднялась, выступила вперед, отняла у Квадратного поводок. Псина перестала лаять, глухое ворчание вырывалось периодически из ее горла. Осинка присела на корточки, поднесла лицо к самым собачьим глазам, что-то ласково зашептала в растопыренные уши. Деревянная рука превратилась в мягкую, нежно гладила цветной собачий бок.

Адя затихла окончательно. Улеглась на траву. Спрятала нос в одуванчиках. Взглянула на меня, но промолчала. Осинка поднялась, двинулась к дубу. Поскребла черную кору.

Руки ее стали снова деревянными, острыми. Глаза серебрились где-то на дне лица.

— Фотографируешь? — прошептала она одними губами.

Я настроила фотоаппарат. Щелкнула.

Она была красивой, эта Осинка. Но какая-то нескладная. Лицо суровое, безжизненное. Руки — углы, ноги — углы. Вся она — сплошной прямоугольник, острая серебряная звездочка.

— Покажи, — скомандовала у меня над ухом.

Я показала ее фотографии.

— Хорошо, — кивнула, — можешь идти, если хочешь. Я за фотографиями потом зайду.

— Угу. — Я сделала шаг в сторону.

Адя подняла мохнатую голову. Заворчала, сморщилась. Осинка снова склонилась над собакой.

— Ну что ты, Адя? — Мягкая рука гладила грубую шерсть, выдергивала репей. Сухие губы коснулись

собачьих ушей. Серебро в глазах исчезло, исказилось глупой улыбкой красивое лицо. Больше Осинка на меня не смотрела.

— Как хоть твой конкурс называется?

— «Естественность природы», — пробубнила, не поднимая головы.

«Естественность природы... какая уж тут естественность? — спрашивала я себя, пробираясь через колючие заросли. — Ведь нет никакой естественности, одно дерево...»

* * *

Я увидела эти две фигуры на поляне еще издалека: прицелилась фотоаппаратом. По-моему, это был Квадратный с Осинкой. Я спустилась с дерева и двинулась к ним навстречу. И правда, они.

Квадратный стоял спиной к Осинке, затягиваясь сигаретой. Запах ее я почувствовала издала. Осинка сидела на коленях, полубоком, положив тонкие ладони на темное бревно.

— Что ж вы не зашли за фотками? — начала я, снимая дорожную сумку с плеча, надевая очки. А то вижу все как в тумане.

Надела и осеклась. Темная шерсть в тонких бледных руках. Пальцы сжимают загривок. Безжизненная, лохматая Адалис лежала на земле, свернувшись мохнатым калачом. Все-таки бешеная.

Осинка не плакала. Она не была каменной. Не замерла в раздумьях. Дикая гримаса застыла на красивом лице. Жалкая, детская гримаса. Недо-улыбка, недо-плач. Голова покачивалась туда-сюда. Маятник. А из глаз текло серебро.

Щелкнул затвор. Я не поняла, почему сфотографировала. Само получилось.

Она не подняла головы. И лица не изменила. Так и осталась сидеть на земле. По голой ноге ползли муравьи, бело-желтое платье испачкалось в песке. А она все сидела. Какая некрасивая! Такая живая.